

УДК 81.362.811

DOI 10.53473/16946324_2023_2

Кельдибаева Наргиза Бексултановна
ОИӨК "Кыргызстан Эл аралык университети"
Кельдибаева Наргиза Бексултановна
УНПК «Международный Университет Кыргызстана»
Keldibaeva Nargiza Beksultanovna
ESPC "International University of Kyrgyzstan"
Tel: +996553818109
e-mail: erbolerdan84@gmail.com

**РЕПРЕССИЯЛАНГАН ҮЙ-БҮЛӨЛӨРДҮН ТАРЫХЫ ЖАНА «ҮЙ-БҮЛӨ»
КОНЦЕПТИ. АЯЛДАР МЕНЕН БАЛДАРДЫН ОҢОЙ ЭМЕС ТАГДЫРЫ
КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» С ИСТОРИЕЙ СЕМЕЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ.
НЕЛЕГКАЯ СУДЬБА ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ**

**THE CONCEPT «FAMILY» WITH THE HISTORY OF THE FAMILIES OF THE
REPRESSED. THE DIFFICULT FATE OF WOMEN AND CHILDREN.**

***Аннотациясы:** Бул макалада "үй-бүлө" түшүнүгү жана репрессияланган үй-бүлөлөрдүн тарыхы менен салыштыруу талкууланат. Басым аялдар менен балдардын оор тагдыры берилет.*

***Негизги сөздөр:** процесс, бөлүнүү, репрессияланган адамдар, мамлекеттик аппарат, өз ара мамилелер, үй-бүлө, маектешүү.*

***Аннотация:** В данной статье рассмотрены концепт «семья» и сопоставление его с историей семей репрессированных. Уделен акцент нелегкой судьбе женщин и детей.*

***Ключевые слова:** процесс, отрыв, репрессированные лица, государственный аппарат, взаимоотношения, семья, интервью.*

***Abstract:** This article discusses the concept of "family" and its comparison with the history of the families of the repressed. Emphasis is placed on the difficult fate of women and children.*

***Keywords:** process, separation, repressed persons, state apparatus, relationships, family, interview.*

Политические репрессии, которым положила начало Октябрьская революция в России, достигли своего апогея в конце 30-х г. "Большой террор" в Советском Союзе, проводимый в жизнь широкой сетью государственного, партийного аппарата унес, по разным оценкам; от 20 до 40 млн. человеческих жизней.

Этот акт резни и преступления, беспрецедентный в истории 20-го века, по-прежнему переживается и понимается его жертвами (к сожалению, выживших мало), свидетелями и их потомками. Об этих событиях в нашей стране и за рубежом написаны многие десятки книг воспоминаний, художественной и публицистической литературы.

Предметом исследования стали семейные «воспоминания» о репрессиях конца 1930-х гг., глубинные интервью проводились с представителями третьего поколения, т. е. с внуками репрессированных. Они были основными источниками собираемой информации.

Вопросы, которые им задавали, касались событий вокруг самих репрессий и их последствий для семьи, а также реакции их членов: способов физического и социального вы-

живания, эмоциональных переживаний и понимания произошедшего. Особая группа вопросов связана с реальной жизнью респондента: его семейным положением, отношением к происходящим в России процессам, удовлетворенностью работой, отношением к будущему.

Фактически непосредственным объектом нашего исследования явилась жизнь третьего поколения с точки зрения возможного влияния на нее репрессии, случившейся в истории семьи. Через анализ обстоятельств жизни и прямых ответов респондентов мы предполагали выяснить следующие дополнительные вопросы: какие психологические факторы и типы взаимоотношений помогали выжить трем поколениям семьи? Какие ценности и жизненные установки оказались для них в этом смысле полезными и бесполезными? Какие ресурсы семьи передавались от дедов родителей и затем внукам? Какую возможную эмоциональную (психологическую) цену платили поколения за физическое выживание?

Теоретической основой работы послужили некоторые представления, разработанные в рамках семейной терапии М. Боуэна и В. Сатир.

Процесс трансляции, по М. Боуэну, определяет функционирование как отдельных людей, так и семей на протяжении ряда поколений. Согласно М. Керру, теория исходит из того, что индивидуальные различия в функционировании и самодействии в разных поколениях семьи закономерно связаны. Хотя «каждая семья, на протяжении достаточного количества поколений, имеет тенденцию производить индивидуумов на обоих концах оси функционирования, а также индивидуумов в любой точке этой оси», вариации в функционировании членов семьи обычно не сильно различаются по тому, как короток период трех поколений.

Беспокойство, поведенческие и эмоциональные структуры передаются от одного поколения к другому через отношения между бабушками и дедушками, родителями и внуками. Понятие сепарации в теории М. Боуэна описывает степень контакта и его потерю между членами семьи. Это может относиться как к вертикальным (между поколениями), так и к горизонтальным (внутри одного поколения) связям. В определенной степени разлучение может быть естественным процессом, в результате которого дети приобретают автономию от своих родителей, обретая возможность создавать собственную взрослую семью и производить потомство.

Отрыв (разделение) может быть географическим или физическим, эмоциональным, психологическим или социальным. Это может произойти из-за внешних событий или внутренних эмоциональных процессов в семье. Интенсивная эмоциональная разлука определяется как полная эмоциональная разлука с важными членами семьи. Обычно это вызвано беспокойством. М. Керр понимает, что люди удаляются от членов своей семьи, чтобы уменьшить дискомфорт, возникающий от эмоциональной близости с ними.

По предположению М. Боуэна, явление сепарации связано с благополучием - неблагоприятным существованием человека или эффективностью его функционирования. Интенсивная эмоциональная отстраненность должна коррелировать с более серьезными психологическими, социальными и физиологическими проблемами. Наоборот, спокойный баланс автономии и межпоколенческих контактов должен сочетаться с менее серьезными проблемами в семье. Отстраненность и функционирование не находятся в линейной причинно-следственной связи, но между этими факторами существует сильная корреляция.

Советская политическая и социальная системы создали режим, который способствовал отделению членов семьи от угнетенных родственников. Жертвы репрессий были физически отделены от своих семей путем арестов, ссылок и расстрелов. Остальным родственникам было крайне опасно пытаться установить или поддерживать с ними связь и даже сохранить память о них.

Основная гипотеза настоящего исследования заключалась в том, что семьи, которые физически и эмоционально отделились от своих угнетенных членов и забыли их, должны найти менее успешное функционирование в поколении внуков. Наоборот, семьи, в которых контактировали с репрессированными и культивировалась память о них, должны успешнее

функционировать во внучатом поколении.

Иными словами, предполагалось, что сохранение и передача в трех поколениях чувства связи, семейной идентичности, семейных ценностей могут поддерживать семейную жизнь даже в стрессовых условиях жестоких 1930-х и последующих десятилетий жизни в СССР и США, Россия.

Как уже упоминалось, исследование основывалось на глубинных интервью, проведенных зимой 1993-1994 гг. в Москве. Респондентами были внуки репрессированных в конце 1930-х гг. Как минимум один член первого поколения семьи каждого опрошенного (дедушка или бабушка по материнской или по отцовской линии) был репрессированным.

В исследовании не было контрольной группы, основные сравнения проводились внутри выборки испытуемых на основе различий в реакциях разных семей на репрессии.

Ответы респондентов основывались на собственных воспоминаниях, впечатлениях, знаниях и ощущениях о событиях в их жизни, их родителях и родителях этих родителей. Первичные данные копировались и обрабатывались самостоятельно в Москве и Вашингтоне.

Для проведения интервью авторы создали анкету из 58 закрытых и открытых вопросов. Вопросы предполагали получение двух видов информации: объективной, такой как даты, состояние здоровья, образование, род занятий и т. д., и субъективной, например, удовлетворенность жизнью, профессией, отношением к будущему, семейными отношениями и т. д.

Все вопросы относились к четырем основным категориям: 1) основная демографическая информация; 2) успешность функционирования респондента, его родителей, дедушек и бабушек; 3) отношение к режиму (лояльность/протест); 4) степень отрыва, или потери/сохранения связи респондента с предшествующими поколениями.

Многие вопросы относились сразу к нескольким категориям, соответственно ответы заносились в каждую из них. Вопросы с открытыми ответами адресовались к тем же областям жизни, однако оставляли опрашиваемым большую свободу в выражении своих мыслей и отношений.

Исходя из нашего исследования, можно выделить основное:

Простые частоты дают представление о некоторых аспектах жизни субъектов.

1. Положение в родительской семье. Типичный размер и образ жизни семей в России выразился в следующих цифрах: 56 % респондентов были единственным ребенком в семье, 34 % - самыми старшими, 10 % - младшими и ни один из них не был среднего возраста. 82% респондентов жили с бабушками и дедушками в детстве, а 83% из них более трех лет.

2. Семейное положение. 88% опрошенных состояли в браке (замужем), из них 68% - только один раз. 28% состояли в браке два и более раз. Никто не был вдовцом (вдовой). 70% имеют детей, 60% из которых имеют только одного ребенка. 40% живут с матерью (и/или отцом). 28% настолько оптимистичны, что недавно (в последние два года) родили или планируют родить в ближайшем будущем.

3. Членство в партии. Членами КПСС были 16 % опрошенных, из них 1 человек – освобожденный комсомолец.

4. Репрессии. Среди репрессированных представителей первого поколения, особенно в семьях опрошенных, ими оказались отцы матерей, то есть бабушки и дедушки по материнской линии. Из 50 человек арестовано 43, или 86%. Треть бабушек по материнской линии (34%) также были репрессированы. Жертвами по отцовской линии были соответственно: бабушки и дедушки - 20% и бабушки - 8%. Хорошо видно, что относительно немного представителей второго поколения, т.е. детей репрессированных и будущих родителей опрошенных, подверглись репрессиям (4% отцов и 14% матерей). Многие из них были еще слишком малы (их средний возраст на момент ареста родителей составлял 10 лет), а старшие дети были отправлены в ссылку вместе с матерью. В одной трети семей число репрессированных было более одного, из них в двух семьях репрессировано четыре члена семьи (дедушка и бабушка по материнской линии, мать и отец), в шести семьях - по три

человека, в 10 семьях - по два человека.

Отмечено преобладание числа перемещенных лиц в обоих поколениях по материнской линии. Скорее всего, это связано с членством в «Ассоциации жертв незаконных репрессий и их семей» в рамках ассоциации «Мемориал», через которую осуществлялся отбор семей: в ней преобладают дочери репрессированных. Последнее можно объяснить действием нескольких факторов. Продолжительность жизни мужчин короче (например, 30% отцов, опрошенных уже умерли, а все матери были живы), к тому же, как известно, мужчины уходят на пенсию на пять лет позже, то есть все больше и дольше остаются на работе, но даже на пенсии редко обращаются за помощью в «Мемориал».

Может быть и другое, дополнительное объяснение. Весьма вероятно, что сыновьям угнетенных было сложнее выжить и «прописаться» в обществе: устроиться на работу, создать семью, дать своим детям высшее образование. Дочери жертв, несмотря на всю тяжесть их общей судьбы, получили «вычет»: они вышли замуж и смогли сменить фамилию, что снизило риск дальнейшего преследования.

Сколько прошло времени, а до сих пор при воспоминаниях о пережитом, у людей на глаза наворачиваются слезы. И с каждым годом этих людей становится все меньше и меньше. Поэтому очень важно, чтобы мы и наши потомки всегда помнили о мучениях мирного населения, состоящего в основном из женщин, стариков и детей, выживавших в этих непосильных условиях.

Список литературы:

1. Алиева М.А., Келдибаева Н.Б., КОНЦЕПТ "СЕМЬЯ" И ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ. / Евразийское Научное Объединение. 2021. № 11-5 (81). С. 329-332.
2. Бейкер К. Теория семейных систем М. Боуена // Вопр. психол. 1991. №6. - С. 155 - 164.
3. Доднесь тяготееет / Под ред. С. С. Виленского. - М., 1989. – 365 с.
4. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. - М., 1991. – 665 с.
5. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. - М., 1991. - 406 с.
6. Bettelheim В. On Jews and the camps // Freud's Viena and other essays. - N. Y., 1989. – 543 p.
7. Chukovskaya L. The Akhmatova journals. V. I. 1938 - 41. - N. Y., 1994. – 312 p.
8. Forche C. (ed.) Against forgetting: Twentiethcentury poetry of witness. - N. Y., 1993. – 311 p.
9. Malia M. The Soviet tragedy: A history of socialism in Russia, 1917 - 1991. - N. Y., 1994. – 534 p.